* * *

Я покамест учусь у природы
И от сплетен держусь в стороне.
Я покаюсь — был груб и юродив,
И любезен с людьми не вполне.

Был журчаньем ручьёв очарован,
А речей человечьих бежал,
Был по-детски упрям и неровен,
Но зато не растратил свой жар.

Но за то — за молчанье, за веру,
За нехитрое это житье –
Звери мне доверяли, как зверю
И трава знала имя моё.

* * *

С утра пораньше встану, поброжу,
Росистым травам буду по колено,
Лицо в ладони солнца положу,
И не поверю в мыслимость
вселенной.

Так жизнью все кругом напоено,
Так все кругом и движется, и дышит,
Что каждое мгновение пьяно,
Как будто смотришь вниз
с высокой крыши.

Вот так вот бы остался и смотрел,
Не отрывая глаз, на это буйство!
Но в созерцанье тайный есть предел,
И оттого смутит оно все чувства.

И оттого, в минуту тишины,
Пронзит ума простую оболочку,
И душу вынет медленно из тьмы,
Как вынимают рыбину из бочки.

И вдруг поймешь, насколько
был ты пуст,
И жил, и рос стремленьями иными!
И в пониманье этом, словно вкус,
Почувствуешь своё простое имя.

Илья Андреевич Козлов (1992 г. р., С.-Петербург) — из семьи художников. Детство прошло в Приозерске. Стихи начал писать в 6-м классе, посещал ЛИТО «Приозерье» под руководством В.И. Аксёнова. В школе увлекся гитарой, песней. Закончил Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена (факультет изобразительного искусства). Участник международных, всероссийских и региональных художественных выставок. Член Союза художников России и Союза писателей России (Санкт-Петербургское отделение) (2018). Публиковал стихи в журнале «Аврора», в приозерской газете «Красная Звезда». Участник 33-й конференции молодых литераторов Северо-запада. Автор книги стихов «Минуты тишины» (2018).

И этот миг продлится, словно сон,
В тебя входя, как дух другого мира…
И ты поймешь,
как сильно был влюблён
В природу ту, где ты взрослел
и вырос.

* * *

Дороги, дороги…
Скупые проселки
Безмолвные сходки
Чернеющих изб.
Беспутный, бесплотный
В ковыльных метелках
В березовых челках
Ветрюга сквозист.
Висит меж домами
Неяркое пламя,
Белесое небо –
Что мутное дно.
И тихо, и странно
От этих скитаний
От этих свиданий
С землею родной.
По спутанной тропке
Иду неторопко,
Где твердо, где топко –
Петляет, ведет…
Эх, край мой неброский!
Ветлы да березки.
Вновь стану подростком,
И мне повезет!

* * *

Зачем тебе тридцать? Откуда
Упрямые эти морщинки
У глаз твоих юных?
Идешь в ожидании чуда
Своей заплутавшей тропинкой
Звенящим июнем.
А здесь всё как прежде: домишки,
Речушка бежит между вётел,
А время застыло.
И ты вспоминаешь мальчишку
Встречавшего на повороте
И звавшего милой.

* * *

Привет, моя хорошая,
На майский день похожая!..
Негаданно, непрошено
Пришла ко мне весна!
На улицах распутица,
Земля, танцуя, крутится,
Шагаю, как получится,
Дорог не разузнав.
Какие там маршруты нам?
Ручьями тропы спутаны,
И вербными салютами
Поет густая синь.
Кадит ольшаник ладаном,
С любовью нету сладу нам…
Мы вместе — как загадано –
Шагаем по Руси.

* * *

Я думаю, все чаще с каждым днем,
Что в мире жить, наверно,
было б проще,
Когда б не зеленели маем рощи,
И я не знал об имени твоем.
Когда б весна так не сводила нас,
И солнце так не верило в удачу –
Белел бы снег, и не был бы
так значим
Сердец и обстоятельств диссонанс.
Но ты далёко, где-то там — внутри,
В груди моей, застыла, словно выдох.
«Помилуй мя…» — твержу
псалом Давидов.
Любовь моя — гори, гори, гори.

* * *

Девушка, девушка, что ж вы курите?
Что же случилось с жизнью вашей?
Вы, ангелоликая,

Белокурая,
Беломориной
Сквозь зубы кашляете?
То ль лихие ветры дуют в спину вам,
То ли в груди
прежний выстыл лучик?
То ль жилплощадь души
покинул
Тот, кого
вы назвали
лучшим…
А я знаю — кого-то радуете вы,
Кто-то о вас грустит среди ночи.
Девушка, девушка, вы же радуга,
Вы зари лучезарный почерк!
У вас над головой из неона нимб,
Вы святая проспектов многоязыких!
Вы мученица — меж людьми
и вагонами
В катакомбах метро,
средь померкших ликов.

* * *

Научи меня жить в тишине
Помоги разлюбить этот скрежет –
Что вливается в душу извне,
И смолкает всё реже и реже.
Научи меня жить на свету,
И на солнце глядеть безоружно.
Научи средь мирских амплитуд
Слышать голос твой долгий
и нужный.
Я уже не пойму, для чего
Белый день на сетчатку ложится.
Если Ты — оборот речевой,
Буду в нем одинокой частицей.

* * *

Ветры колюче дунули,
Туч ускоряя бег –
Думаю, думаю, думаю,
Лишь об одной тебе.
Мысли нещадно замкнуты,
Звуки сгущая в речь –
Заново, буду заново
Душу свою беречь.
Душу твою — открытую
Буду читать с азов.
В рытвинах тропка, в рытвинах
Выплакан горизонт.
Ливнями смыто зарево
Прежних далеких лет.
Заново, буду заново
Дом твой беречь от бед.

* * *

Я туче горланю акафист:
Родная, дождем угости!
И слушаю капель анапест,
Поток собирая в горсти.
Есть в жизни такие мгновенья,
Когда человеку дано
С природой, как давние звенья
Сомкнуться в движенье одном.
И почва, и сердце трепещут,
И гром замирает в груди,
И прежде знакомые вещи
Видны с расстояний других.
И всё, что душа отрицала,
К чему было сердце глухим –
Внезапно проглянет, мерцая
В мистерии вечных стихий.

ВИДЕНИЕ

Я боюсь иногда,
что любви не отыщется места,
Что для радостных чувств
стала грудь непригодным жильём…
И хватаюсь тогда за палитры
из слов неизвестных,
И пишу на бумаге пустое
пространство своё.
В том просторе стоит,
одиноко качаясь, рябина,

И дорога к родному подворью
уводит, зовёт,
И всё то, что однажды
здесь сердце моё полюбило,
В окнах старого дома,
безмолвно, как память, встаёт.
Там я вижу себя, отстранённо
и несколько сзади,
Я играю с сестрёнкой в светлице
на жёлтом полу…
Вижу мать — та печёт к возвращенью
отцову оладьи,
И одними губами зовёт нас,
кутёнков, к столу.
Там я вижу, вдали,
со своим рюкзаком за плечами
Дед идёт по дороге —
по-прежнему бодрый, прямой…
Но проходит виденье…
Рябина ветвями качает,
В окнах старого дома лишь облик
отсвеченный мой.

* * *

Земля моя — ты стук в моей груди,
Ты долгий путь, простёртый впереди…
Ты светлый лес, подъятый над рекой,
И этот снег — прощальный знак рукой.
Ты дрёмный мир сосёнок и берёз.
Ты долгий взгляд за дальний перевоз.
Под лёгким ветром дремлют ковыли –
И это сон родной моей земли.
Тебя увижу рано поутру,
И вдруг пойму, что вовсе не умру –
В окошке светлом — светлая земля.
Коль ты жива, жив, стало быть, и я!

* * *

Повстречались как-то странно,
Друг за друга всё решив.
Я поверил, видно, рано
В глубину твоей души.
Понапрасну ждал ответа –
Не взошел любви росток,
Выстыл дом — видать, от ветра
В голове моей пустой.
Разошлись — меня знобило.
Ты пошла в свое кино…
Да тебя лишь с толку сбило,
Что поэта сбило с ног.

* * *

На лестничной клетке,
как будто бы в клетке грудной –
Простудные хрипы, посланья
забытые чьи-то,
И лестничный марш по слогам
каблучками начитан,
И речитативами сыпется город
в окно.
На лестничной клетке,
как в камере, тесно шагам,
Табачный угар, пелена
вечносинего дыма,
И как заключённый,
алоэ ветвями худыми
Скребётся на улицу.
Солнце — ты вечно в бегах…
На лестничной клетке,
как будто бы в келье, темно,
И сороковаттная лампочка дышит
на ладан.
День сдался без паники.
Вечер убит — ну и ладно.
Соседи расходятся, выпустив дым
за окно.

* * *

Ты являешься мне каждый раз, как
Сон смыкается с явью дурацкой,
Каждый раз отколупанной краской
Осыпаешься вниз поутру.
Твой портрет поразительно ярок,
Как портреты вождей и доярок,

Как любовь роковая, как ярость –
Горько-терпкая — мне по нутру.
Проступаешь, как что-то родное,
Как ночная моя паранойя,
Ты написана кистью одною
И касаньем одним — не молчи!
Весь твой облик прозрачен и целен…
Но опять исчезаешь без цели.
Ах, как жаль, что мы в жизни не ценим
Тех, кто после приходит в ночи!

НЕПОГОДА

Всю ночь деревья, как больные,
Метались по двору без сил.
Росло ненастье. Нервы ныли,
Шумела буря. Ветер выл,
Сухие листья в лихорадке
Дрожали, уносились прочь,
Метались облака, и ночь
Сама с собой играла в прятки.
С утра я выглянул в окно:
Рассвет едва лишь золотился,
Но облаков туман носился,
Деревья гнулись. Будто Ной,
Смотрел я в гущу непогоды
Из своего ковчега. Там
Рассвет вставал, и по пятам
Шел день, нащупывая броды.

* * *

У меня ничего нет на свете:
Только пламя зари на рассвете,
Только долгий, изменчивый сумрак,
Только тонких деревьев рисунок,
Да в окошке блуждающий полдень,
Только дождь, чтоб ладони наполнить
Под железной трубой водосточной,
Милой — в памяти образ неточный,
Свет, сквозь окна текущий из комнат,
Голоса, что близки и знакомы.
Сердце, что молодеет весною.
Детство, в сердце навеки живое.

ГОЛОС

Пела женщина… Как пела!
Как в неё влюблён был зал!
Из её живого тела
Голос в небо вырастал.
Как побег, листы расправив,
Распускался над главой,
Был он в чём-то розе равен
И ромашке полевой.
И, поднявшись над главою,
Рос он в небо, великан,
Всем казалось, пели двое:
Мать и сын, цветок и храм.
И теснился, замирая,
У его подножья зал,
Словно сон земного рая
Древний слух околдовал.

ВЕНКИ

Сколько этих венков вдоль избитых
Долгих трасс, что кружат, словно нить!
Будто с кладбищ своих позабытых
Вышли к людям, тоскуя, они.
Как дозорные будущей жизни,
Со своих невесёлых постов
На летящие вдаль механизмы
Без тревоги глядят и без слов.
И не важно, кто был знаменитым,
Кто окончил движенье не в срок –
Им вовек не остаться забытым
Оттого, что стоят вдоль дорог.
Оттого, что душой, не по долгу,
Чуя в сердце тревожный надлом,
Поминаем вас часто, подолгу
Мы, которые следом идём.